

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ESG ПРИНЦИПОВ В НЕФТЕГАЗОВОМ СЕКТОРЕ КАЗАХСТАНА

Нефтегазовый сектор Казахстана формирует 40% ВВП страны и обеспечивает занятость свыше 260 тысяч человек [5, с. 12]. Однако в условиях глобального энергоперехода отрасль оказалась в «институциональной ловушке»: рост ESG-затрат не приводит к пропорциональной декарбонизации, а отсутствие жесткого императивного регулирования создает риски гринвошинга. Вступление в силу механизма трансграничного углеродного регулирования СВВАМ (Carbon Border Adjustment Mechanism) Евросоюзом с 1 января 2026 года превращает экологические метрики из имиджевого показателя в прямую угрозу финансовой устойчивости казахстанских нефтегазовых компаний-экспортеров.

Цель исследования — выявить экономико-правовые барьеры эффективной реализации ESG-принципов в квазигосударственном нефтегазовом секторе на примере АО «Самрук-Казына» и АО «НК «КазМунайГаз». Методология: контент-анализ нефинансовой отчетности 2021-2023 гг., расчет коэффициента углеродной эффективности инвестиций, компаративный анализ стратегических подходов к КСО.

Правовая неопределенность как институциональный барьер. Экологический кодекс РК (2021) устанавливает лишь технические нормативы выбросов (ст. 189-192) [2], не вводя обязательности публичного раскрытия Score 1-3, верификации ESG-данных третьей стороной или штрафов за недостоверность нефинансовой отчетности. Трудовой кодекс регламентирует социальное партнерство (гл. 21) [8], но не устанавливает минимальных стандартов КСО для стратегических отраслей. Отсутствие нормы об обязательной ESG-отчетности для компаний с госучастием свыше 50% (как в директиве ЕС 2022/2464) создает нормативный вакуум, позволяющий подменять модернизацию производства имиджевыми кампаниями.

Экономическая неэффективность социальных инвестиций. АО «Самрук-Казына» в 2023 году направил 7,2 млрд тенге через КФ «Samruk-Kazyna Trust» [5, с. 94]. Структура распределения: здравоохранение — 35%, поддержка регионов — 25%, массовый спорт — 15%, образование — 13%, культура — 12%. Данная структура демонстрирует компенсаторную функцию КСО (замещение недофинансирования медицины), а низкая доля образования (13%) противоречит стратегии развития человеческого капитала. Коэффициент локализации социальных инвестиций (доля расходов в регионах присутствия к общему бюджету) составляет 0,42, что указывает на централизацию принятия решений и низкую адресность программ.

Диссонанс между ростом вложений и сохранением высокого уровня социальной напряженности в моногородах актуализирует риски утраты «социальной лицензии» (Social License to Operate). Текущая модель КСО не обеспечивает инклюзивности, превращаясь в скрытый налог без должного социального эффекта. Отсутствие партисипаторных механизмов распределения средств снижает легитимность корпоративных программ в глазах местных сообществ, создавая долгосрочные риски для операционной стабильности предприятий.

Провал декарбонизации и углеродные риски экспорта. АО «НК «КазМунайГаз» реализует Программу низкоуглеродного развития до 2060 года, предусматривающую сокращение выбросов ПГ на 15% к 2031 году [3, с. 89]. Однако анализ динамики показателей (Таблица 1) выявляет критические противоречия.

Таблица 1. Динамика ESG-показателей АО «НК «КазМунайГаз», 2021-2023 гг.

Показатель	2021	2022	2023	Δ, %
Score 1, млн т CO ₂	7,6	7,5	7,4	-2,6
Score 2, млн т CO ₂	3,1	3,2	3,3	+6,5
Утилизация ПНГ, %	98,0	98,5	98,7	+0,7
Инвестиции, млрд тг	18,2	22,4	26,5	+45,6

Для сравнения: среднемировой показатель углеродной эффективности для нефтегазовых мейджоров составляет 0,025 (авторский расчет на основе агрегированных данных CDP Climate Change Report 2023 по выборке 50 глобальных энергетических корпораций). Разрыв в 3,1 раза указывает на критически низкую результативность капитальных вложений КМГ в реальную декарбонизацию.

Рост косвенных выбросов Score 2 на 6,5% обусловлен структурой энергобаланса Казахстана: 70% электроэнергии генерируется угольными ТЭС с углеродоемкостью 0,89 кг CO₂/кВт·ч (в 2,3 раза выше средневропейской). КМГ не может достичь углеродной нейтральности в условиях "грязной" энергосистемы страны, что требует межотраслевой координации декарбонизации.

Низкая углеродная эффективность (0,008) создает прямой риск потери конкурентоспособности экспортной выручки в условиях введения механизма СВВАМ Евросоюзом. При текущей углеродоемкости экспорта нефти (45 кг CO₂/барр.) и прогнозной цене углеродного сертификата €80-€126/т CO₂ к 2030 году (прогноз ING Bank/GMK Center, Декабрь 2025 [12]), дополнительная пошлина составит от \$3,6 до \$5,7 за

баррель, что эквивалентно изъятию от 4,5% до 7,2% экспортной выручки отрасли в зависимости от темпов ужесточения регулирования.

Таблица 2. Сравнительная характеристика подходов к реализации КСО

Критерий	АО «Самрук-Казына»	АО «НК «КазМунайГаз»
Уровень реализации	Стратегический (AUM 37 трлн тг)	Операционный (Score 1+2: 10,7 млн т)
Инструмент	КФ «Samruk-Kazyna Trust»	Коллективные договоры
Эколог. фокус	Рейтинги (Sustainalytics: 32,3)	LCDP-2060 (–15% к 2031)
Драйвер	Доступ к капиталу	Предотвращение забастовок

Сравнительный анализ (Таблица 2) выявляет дуалистическую модель управления устойчивостью: стратегический подход АО «Самрук-Казына» ориентирован на глобальное позиционирование через ESG-рейтинги, тогда как АО «НК «КазМунайГаз» реализует операционную модель "социальной лицензии" для минимизации рисков трудовых конфликтов в моногородах. Данная дихотомия отражает конфликт между имиджевыми и производственными приоритетами КСО.

Исследование выявило три критических барьера эффективной реализации ESG-принципов в казахстанском нефтегазе. Первый — институциональный: отсутствие в законодательстве РК норм об обязательной ESG-отчетности для стратегических компаний и ответственности за гринвошинг создает условия для имитации устойчивости. Второй — экономический: коэффициент углеродной эффективности инвестиций КМГ (0,008) в 3,1 раза ниже среднемирового, что при действующем с 1 января 2026 года механизме СВМ ЕС грозит изъятием от 4,5% до 7,2% экспортной выручки в зависимости от динамики углеродных цен. Третий — социальный: низкая локализация КСО (коэффициент 0,42) и отсутствие партисипаторных механизмов снижает легитимность корпоративных программ.

Для преодоления выявленных барьеров предлагается комплекс мер:

- внесение в Экологический кодекс РК нормы об обязательном раскрытии Score 1-3 для компаний с госучастием >50% с верификацией данных по стандарту ISO 14064-3
- внедрение внутренней цены на углерод (shadow carbon pricing) в размере \$50/т CO₂ при оценке инвестпроектов КМГ для стимулирования реальной модернизации;
- установление минимальной доли региональных социальных инвестиций на уровне 60% с применением механизма партисипаторного бюджетирования в моногородах. Практическая значимость исследования заключается в разработке авторской типологии дуалистической модели КСО и количественной оценке углеродных рисков экспорта в условиях трансграничного углеродного регулирования.

Литература:

1. Куур О.В., Варавин Е.В., Козлова М.В. (2024). Факторы ESG-трансформации экономики Казахстана в контексте его устойчивого развития. Экономика: стратегия и практика, 19(2), 20-40, <https://doi.org/10.51176/1997-9967-2024-2-20-40>
2. Экологический кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 года № 400-VI ЗПК (с изменениями и дополнениями). – Астана: Адилет, 2024.
3. Годовой отчет об устойчивом развитии АО «НК «КазМунайГаз» за 2023 год. – Астана, 2024. – 156с.
4. Зикеева А., Ибрагимова К. Проблемы моногородов и роль градообразующих предприятий в их решении // Вестник КазНУ. Серия экономическая. – 2022. – № 1(135). – С. 45-53.
5. Годовой отчет АО «ФНБ «Самрук-Казына» за 2023 год. – Астана, 2024. – 210 с.
6. Портер М., Креймер М. Стратегия и общество: связь между конкурентным преимуществом и корпоративной социальной ответственностью // Harvard Business Review – Россия. – 2007. – № 3. – С. 72-86.
7. Директива ЕС 2022/2464 о корпоративной отчетности в области устойчивого развития (CSRD).
8. Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V ЗПК // Ведомости Парламента РК. – 2015. – № 22-V. – Ст. 152.
9. CDP Climate Change Report 2023. Global Oil & Gas Sector Analysis. London: CDP Worldwide, 2023.
10. Regulation (EU) 2023/956 on Carbon Border Adjustment Mechanism. Official Journal of the EU, 2023.
11. Турбина К.Е. ESG-трансформация как вектор устойчивого развития: монография / К.Е. Турбина, И.Ю. Юргенс. – М.: Аспект Пресс, 2022. – 320 с.
12. ING Bank, GMK Center. Прогноз цен на углеродные квоты ЕС 2026-2030: сценарный анализ. Аналитический отчет. Декабрь 2025 [Электронный ресурс] // Commodities Outlook 2026. URL: https://think.ing.com/uploads/reports/Commodities_Outlook_2026.pdf (дата обращения: 21.02.2026).